

В царстве мёртвых

оказалось, что пароход **СТОИТ** неподвижно. Но, по-видимому, какое-то медленное течение увлекло его на середину Саргассова моря: всё чаще стали встречаться на пути полусгнившие и позеленевшие обломки кораблей. Они появлялись, как мертвецы, с обнажёнными «рёбрами»-шпангоутами¹ и сломанными мачтами, некоторое время следовали за кораблём и медленно уплывали вдаль. Ночами Симпкинса пугали «привидения»: из зелёной поверхности моря появлялись вдруг какие-то столбы бледного тумана, напоминавшие людей в саванах, и медленно скользили, колыхались и таяли... Это вырывались испарения в тех местах, где в сплошном ковре водорослей находились «полыньи».

В одну из лунных ночей какой-то полуразрушенный бриг² голландской постройки близко подошёл к пароходу. Он был окрашен в чёрный цвет с яркой позолотой. Его мачта и часть бульварков³ были снесены, брашпиль⁴ разбит.

Со смешанным чувством любопытства и жути смотрела Вивиана на этот мёртвый корабль. Быть может, это их будущее; настанет время — и их паро-

¹ Шпангоут — поперечный кривой брус в корпусе судна, служащий основой для обшивки.

² Бриг — двухмачтовое судно с прямыми парусами.

³ Бульварк — то же, что фальшборт: ограждение по краям наружной палубы судна.

⁴ Брашпиль — палубный механизм лебедочного типа для подъёма якорей и натяжения тросов.

Обитатели островка

О ставшись одна, мисс Кингман принялась за приготовление завтрака. Она вычистила и зажарила пойманную Гатлингом рыбу, спустилась в трюм и взяла в складах провизии несколько апельсинов. Когда она, с корзиной в руках, поднялась на палубу, то увидела необыкновенную картину: за их обеденным столом — вернее, на столе и стульях — хозяйничали обезьяны. Они визжали, ссорились, бросались кексом и засовывали себе за щёки куски сахара. При появлении мисс Кингман они насторожились и с криком отступили к борту. Вивиана засмеялась и бросила им пару апельсинов. Это сразу установило дружеские отношения. Не без драки покончив с парой апельсинов, шимпанзе, приседая и гримасничая, подошли к мисс Кингман и стали смело брать плоды у неё из рук. Не было сомнения, что они привыкли к обществу людей.

И действительно, люди не заставили себя долго ждать.

Поглощённая забавными проделками неожиданных гостей, мисс Кингман не видела, как из-за борта парохода осторожно выглянули две головы. Убедившись, что на палубе нет никого, кроме женщины, неизвестные быстро перелезли через борт и, закинув ружья на плечи, стали приближаться к мисс Кингман.

Она вскрикнула от неожиданности, увидя эту пару.

Один из них — толстенький, коротенький человечек с бледным, несмотря на южное солнце, обрюзгшим, давно не бритым лицом — сразу поражал некоторыми контрастами костюма и всего внешнего облика. На его голове была шляпа-котелок, измятая, грязная, просвечивавшая во многих местах.

Смокинг, несмотря на дыры и заплаты, всё ещё сохранял следы хорошего покроя. Но брюки имели самый жалкий вид, спускаясь бахромой ниже колен. Стоптаные лакированные туфли и изорванный фуляровый¹ бант на шее дополняли наряд.

Другой – высокий, мускулистый, загорелый, с чёрной бородой, в широкополой мексиканской шляпе сомбреро, в тёмной рубашке, с голыми плечами и в высоких сапогах – напоминал мексиканского овцевода. Движения его были быстры и резки.

– Бонжур, мадемуазель, – приветствовал мисс Кингман толстяк, раскланиваясь самым галантным образом. – Позвольте поздравить вас с благополучным прибытием на Остров Погибших Кораблей.

– Благодарю вас, хотя я не назвала бы моё прибытие благополучным... Что вам угодно?

– Прежде всего позвольте представиться: Аристид Додэ. Фамилия моя Додэ, да-да, Додэ. Я француз...

– Быть может, родственник писателю Альфонсу Додэ?² – невольно спросила мисс Кингман.

– Ээ... не то чтобы... так... отдалённый... Хотя я имел некоторое отношение к литературе, так сказать... Крупнейшие бумажные фабрики и... обойные на юге Франции.

– Не болтай лишнего, Тёрнип, – мрачно и сердито произнёс его спутник.

– Как вы нетактичны, Флорес! Когда же я научу вас держаться в приличном обществе? И прошу не называть меня Тёрнип. Они, изволите ли видеть, назвали меня так в шутку, по причине моей головы, которая, как им кажется, напоминает репу...³ – И, сняв котелок, он провёл по голому желтоватому черепу, сохранившему, по странной игре природы, пучок волос на темени.

Мисс Кингман невольно улыбнулась меткому прозвищу.

– Но что же вам от меня надо? – опять повторила свой вопрос Вивиана.

– Губернатор Острова Погибших Кораблей, капитан Фергус Слейтон, издал приказ, которому мы должны слепо и неуклонно повиноваться:

¹ Фуляр – старинная лёгкая и мягкая шёлковая или полотняного переплетения ткань.

² Альфонс Додэ (1840–1897) – французский романист и драматург.

³ Англ. turnip – репа.

Губернатор Фергус Слейтон

На Острове Погибших Кораблей оказались довольно хорошие пути сообщения. Перебравшись через старый трёхпалубный фрегат, Тёрнип, шедший впереди, вывел пленников на дорогу: это были мосты, переброшенные между кораблями и над провалившимися палубами. Вдоль этой дороги тянулась какая-то проволока, прикреплённая к небольшим столбам и сохранившимся мачтам.

— Сюда, сюда! Не оступитесь, мисс, — любезно обращался он к мисс Кингман. За ней следовали Гатлинг и Симпкинс. Мрачный Флорес, надвинув своё сомбреро до бровей, заключал шествие.

На полпути им стали встречаться обитатели, одетые в лохмотья, все обросшие, загорелые: белокурые жители севера, смуглые южане, несколько негров, три китайца... Все они с жадным любопытством смотрели на новых обитателей Острова.

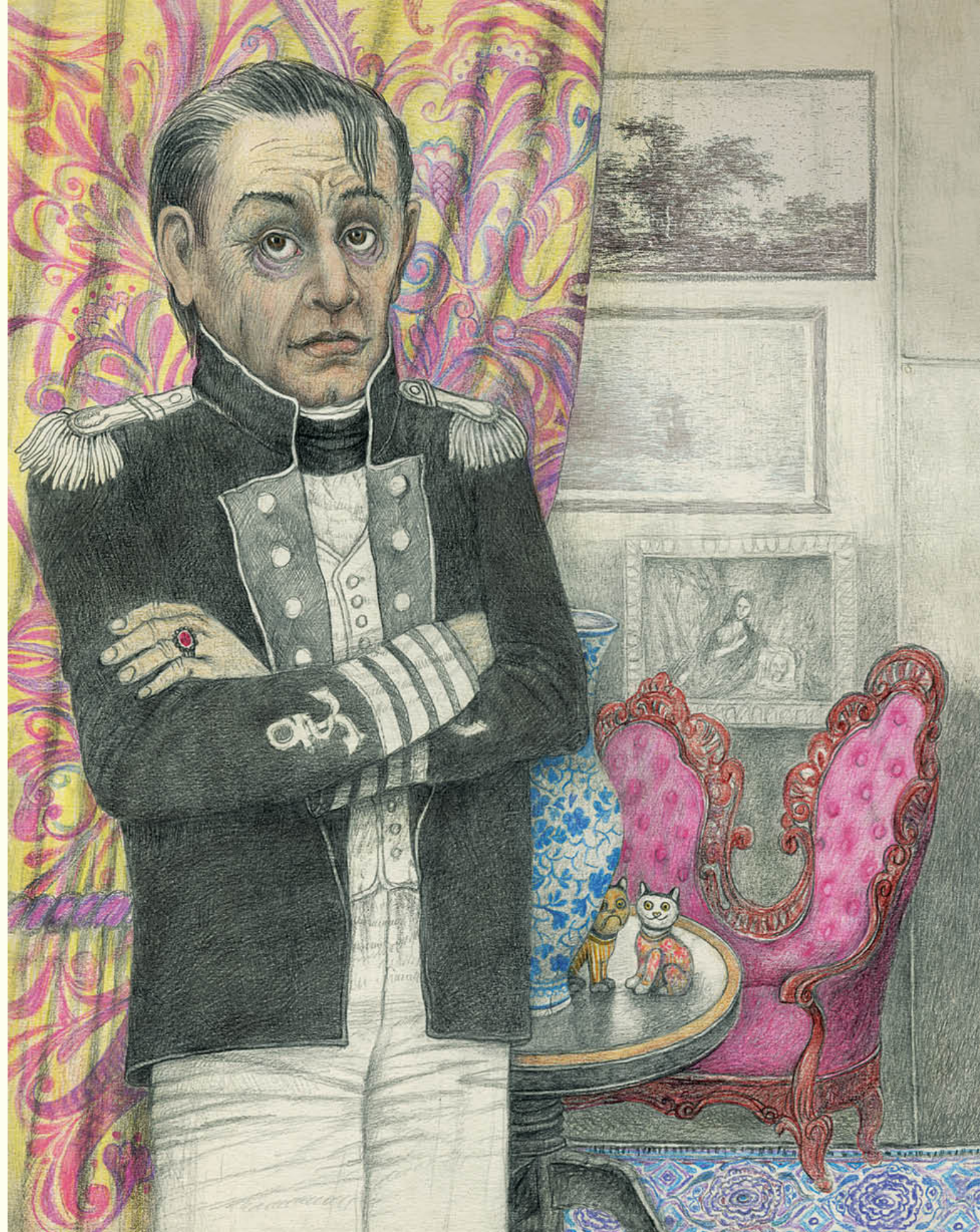
Среди небольших парусных судов разных эпох и народов, в центре Острова, поднимался большой, довольно хорошо сохранившийся фрегат «Елизавета».

— Резиденция губернатора, — почтительно произнёс Тёрнип.

На палубе этой «резиденции» стояло нечто вроде почётного караула: шесть матросов с ружьями в руках, в одинаковых и довольно приличных костюмах.

Губернатор принял гостей в большой каюте.

После наводящего уныние вида разрушенных кораблей эта каюта невольно поражала.

Словом, каждый из них, как бы ни были малы шансы, лелеял надежду занять место жениха.

Посреди кают-компаний была воздвигнута трибуна.

Сюда, на это возвышение, ровно в девять вечера в белом платье, как и полагается невесте, была возведена мисс Кингман с сопровождавшими её Идой Додэ и Мэгги Флорес.

При её появлении грянул хор. Это пение не отличалось стройностью, оно было для музыкального уха Вивианы даже ужасно, но зато хористов нельзя было упрекнуть в недостатке воодушевления. Качались фонари и колыхались флаги, когда несколько десятков хриплых и сиплых голосов ревели и грохотали: «Слава, слава, слава!»

Бледная, взволнованная и хмурая, поднялась «невеста» на высокий помост.

Слейтон обратился к ней с приличествующей случаю речью. Указал на «незыблемость» закона о том, что каждая вступающая на Остров Погибших Кораблей женщина должна выбрать себе мужа.

— Быть может, мисс, этот закон вам покажется суровым. Но он необходим и, в конце концов, справедлив. До издания этого закона вопрос разрешался правом силы, поножовщиной между претендентами. И население Острова гибло, как от эпидемии...

Да, всё это было, может быть, и разумно, но мисс Кингман было от этого не легче. Её глаза невольно искали поддержки. Но ни Гатлинга, ни даже Симпкинса она не видела среди присутствующих. Слейтон заметил этот взгляд и улыбнулся.

Каждый претендент должен был с поклоном подходить к невесте и ждать ответа. Движением головы невеста отвечала «да» или «нет».

Один за другим потянулись женихи... Вся эта вереница возбуждала у мисс Кингман только ужас, отвращение, презрение, иногда и невольную улыбку, когда, например, перед нею предстал с палочкой в руке, «в наилучшем виде», самый древний поселенец Острова — итальянец Джулио Бокко.

Надо сказать, что Слейтон боялся в душе этого Мафусаила¹ как конкурента. Действительно, у Бокко были шансы. Вивиана, глядя на него, замедлила с ответом, как бы что-то обдумывая, но потом также сделала отрицательный жест головой и тем, не зная того сама, спасла жизнь Бокко, так как в эту короткую минуту колебания Фергус Слейтон уже решил избавиться от Бокко, если счастье выпадет на его долю. Все продефилировали перед мисс Кингман. Последним предстал Слейтон...

Но мисс Кингман, скользнув глазом по его фигуре, решительно потрянула головой:

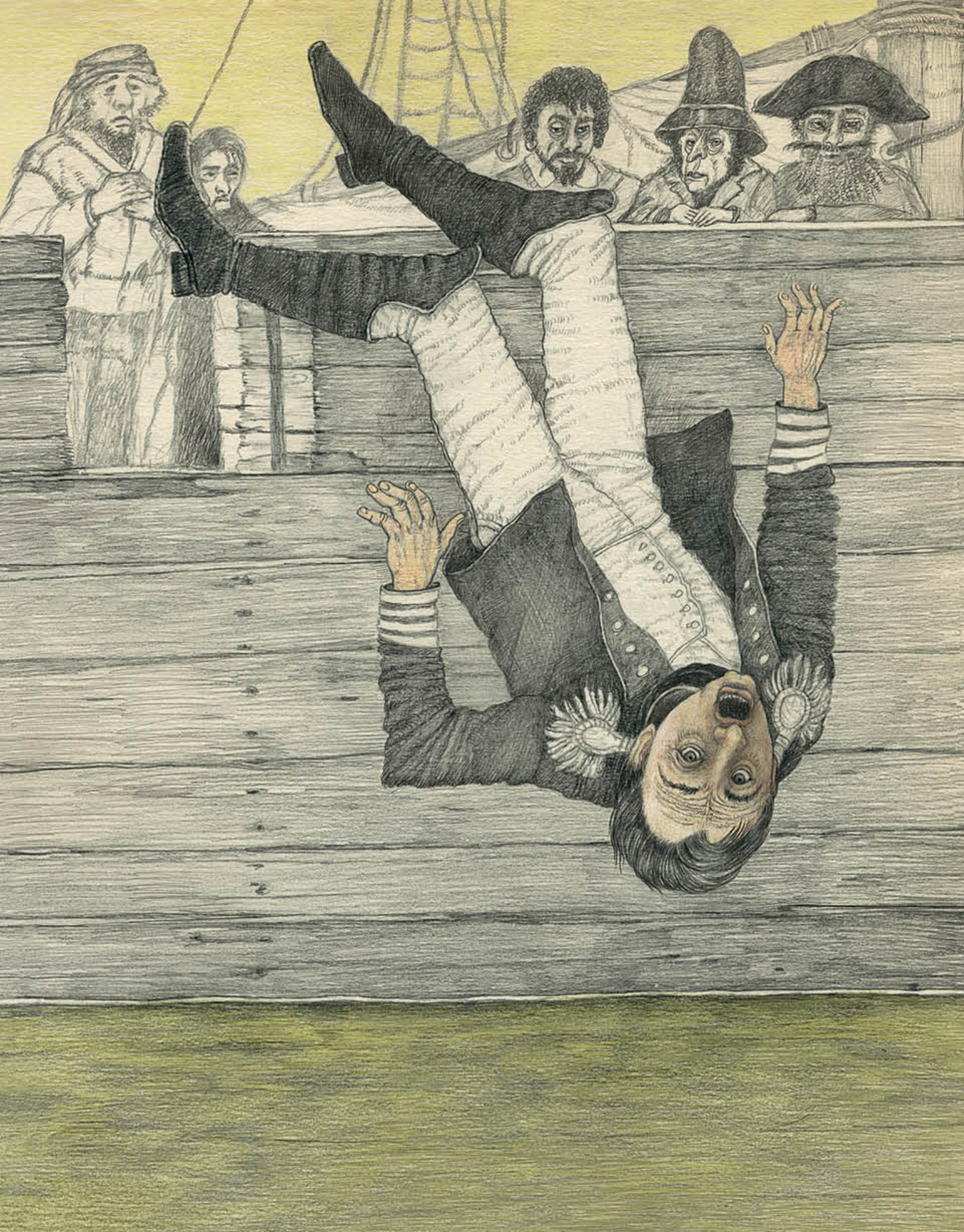
— Нет.

— Ого! Вот так штука! Что же теперь делать? — послышались возгласы.

¹ Мафусаил — в Библии один из протцов человечества, прославившийся своим долголетием: он прожил 969 лет.

Несколько раз он, казалось, замертво падал на землю, но необычайным напряжением воли поднимался вновь, чтобы получить новый удар. «Слейтоницы» уже торжествовали победу ревом и гулом.

Но вдруг Гатлинг, собравшись с силами, набросился на Слейтона и нанёс ему такой удар в челюсть, что Слейтон, закинув голову, рухнул на пол. Однако, поднявшись с трудом, он стал отступать, пятясь, к борту корабля, желая выждать несколько секунд, чтобы отдышаться и вновь перейти в наступление. Но Гатлинг, как маньяк, с безумным, широко раскрытым правым глазом, прижал его к борту и здесь нанёс такой ужасный удар в переносицу, что Слейтон, мотнув в воздухе ногами, полетел за борт.

Крики ужаса и восторга, насмешливые возгласы, хохот, аплодисменты — всё смешалось в дикой какофонии.

«Слейтоницы» спешно вылавливали из зелёных водорослей своё поверженное божество...

Когда он появился на палубе, новый взрыв криков и смеха встретил его. Весь мокрый, опутанный водорослями, он походил на утопленника, пробывшего добрые сутки в воде. Лицо его опухло и было окровавлено. Несмотря на это, Слейтон старался сохранить достоинство.

Шатающейся походкой он подошёл к Гатлингу и протянул ему руку:

— Вы победили! Она ваша!

Ответ Гатлинга удивил всех присутствующих:

— Нет, она не моя. Я совершенно не желаю навязывать себя насильно и делаться её мужем только потому, что удачно отвесил удар по вашей переносице!

Толпа затихла, выжидая, что будет дальше. Слейтон побагровел:

— Чёрт возьми! Кончится ли это когда-нибудь? Довольно! Мисс Кингман! Как губернатор Острова, я предлагаю вам сделать выбор немедленно, или я прикажу бросить жребий!

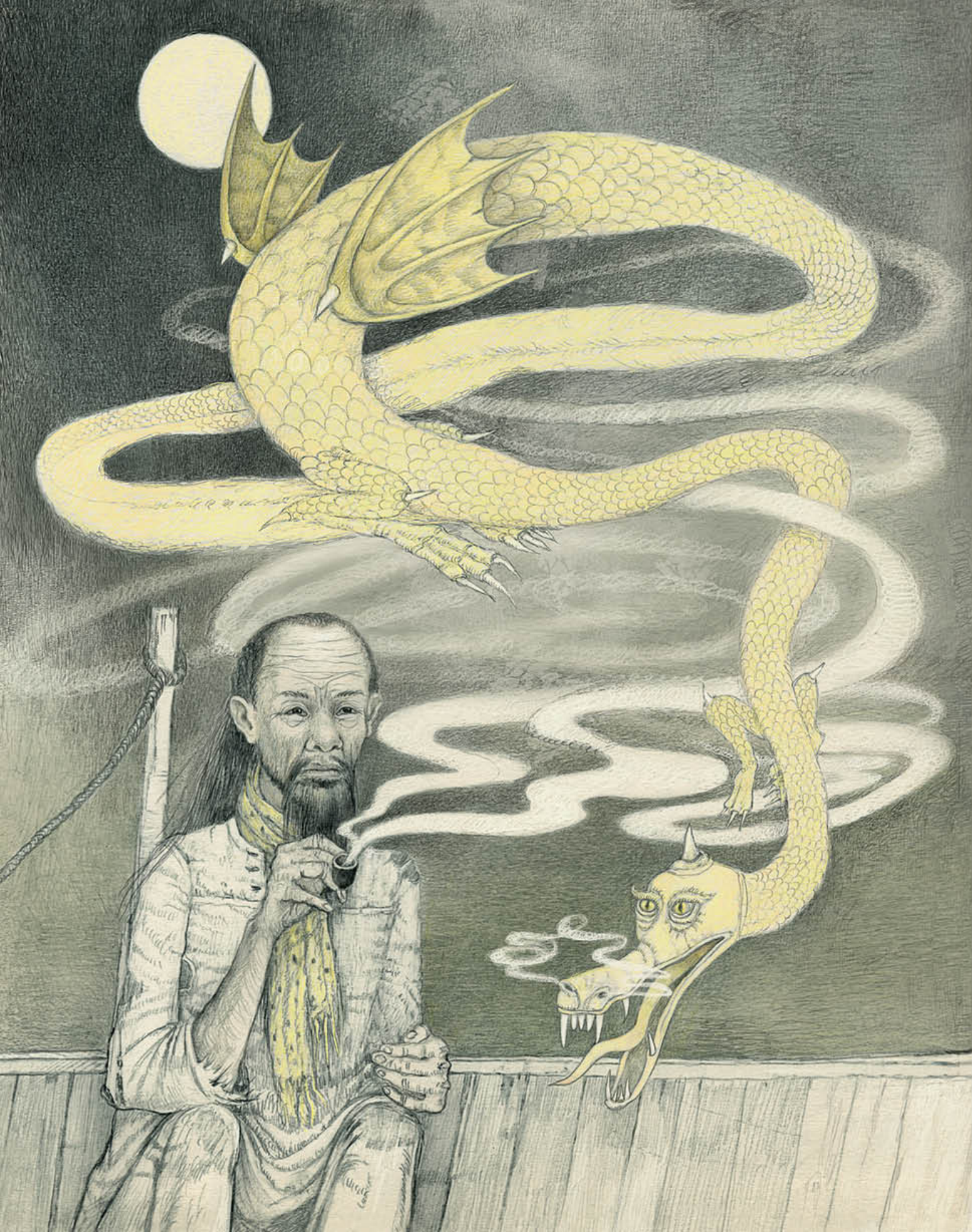
— Жребий! Жребий!.. — закричала толпа.

Мисс Кингман вздрогнула, нетвёрдо подошла к Гатлингу и подала ему руку.

— Наконец-то, — с кислой улыбкой сказал Слейтон и подошёл поздравить её.

— Мисс Кингман, — шепнул ей на ухо Гатлинг, — вы совершенно свободны, и я не предъявляю на вас никаких прав. Я не смею думать, чтобы вы соединили свою судьбу с судьбой... преступника, — ещё тише добавил он.

ночной сырости. Зачем бродит он тут? Что ему надо? Зубы Хао-Женя стали выбивать дробь.

Утром китаец шептал на ухо своему другу Бокко:

— Капитан ходила. Слейтон ходила ночью по воде. Сам видал. Плохо покойника похоронили. Шипко худо есть так человека хоронить. Вот и ходит. Плохо будет! Худо будет, м-м-м...

Бокко кивал, с жалостью смотрел на китайца и думал: «Пропал, бедняга, совсем ума лишился от проклятого зелья».

Через несколько дней этот разговор повторился. Китаец опять видал мёртвого капитана, медленно гулявшего по морю. Бокко не вытерпел.

— Надоел ты мне со своим покойником! Вот что — я буду сегодня с тобой дежурить ночью. И смотри у меня, если ты увидишь, а я не увижу, — придёт-ся вам, двум покойничкам, разгуливать по морю вместе! Брошу тебя в воду, так и знай!

Ночь стояла тёмная. Небо было густо обложено тучами. Накрапывал дождь, Бокко бранился, кутаясь в латаный плащ.

Около часа ночи во тьме, недалеко от Острова, Бокко первый заметил тень человека. Было так темно, что трудно было различить очертания фигуры. Но нечто похожее на человека действительно шло по воде и исчезло во мраке.

Бокко почувствовал, как у него холодеют руки.

— Видишь? — шепнул китаец, хватаясь трясущейся рукой за плечо Бокко.

— Ш-ш!

И они сидели до утра, не будучи в силах от страха шевельнуться.

Только когда взшло солнце, Бокко вздохнул с облегчением. Скоро весть о призраке капитана Слейтона облетела всё население Острова и дошла до Флореса. Он не верил в привидения, но эта весть о бродячем призраке Слейтона взволновала его как неясная опасность.

«Почему они видели именно Слейтона? Что они, сожалеют о нём? Обвиняют меня за то, что я бросил Слейтона в море, вместо того чтобы попытаться оказать ему помощь? Но ведь он был полумёртв. Или... глупости! Люди просто от скуки с ума сходят. Надо скорее развлечь их», — думал Флорес.

А вечером он тайно вызвал к себе Бокко и просил его проводить к тому месту, где они видели призрака. Но ни в эту, ни в следующую ночь призрака не появлялся. Флорес повеселел.

— Профессор, в море плавают целое стадо черепах, — доложил ассистент Томсона Мюллер. — Не разрешите ли вы мне поохотиться на них вот с этой маленькой рыбкой? Я видел, как это делают туземцы в Африке.

Получив разрешение, Мюллер надел на хвост рыбы кольцо с крепким шнуром и бросил её в воду. В прозрачной воде видны были все движения рыбы. Сделав несколько безуспешных попыток вырваться, она стала подплывать к большой черепахе, которая, видимо, мирно спала на поверхности океана; эхенеида присосалась к брюшному щиту черепахи. Мюллер дёрнул бечёвку. Черепаха заметалась, но не могла отделаться от прилипалы и через минуту была вытащена вместе с рыбой на палубу судна.

— Bravo! — Вивиана захлопала в ладоши.

На палубе появился Симпкинс. Он только что встал и шурился от яркого солнца. Попыхивая трубочкой, Симпкинс равнодушно посмотрел на черепаху и процедил углом рта:

— Суп из черепахи — это будет недурно. А это что за пиявка?

— Это не пиявка, а рыба-прилипала. Черепаха, Симпкинс, предназначена не для супа, а для научной коллекции.

— Смотрите, какая прелесть! — воскликнула вновь Вивиана, указывая на море.

Над поверхностью океана летели рыбы. Целые стаи их поднимались над водой и пролетали значительное пространство в несколько десятков метров, поддерживаемые передними плавниками, которые у них превращены как бы в крылья.

Все залюбовались этим зрелищем.

— *Dactylopterus* — «летучки», — пояснил профессор Томсон.

— Неужели и все птицы вышли из моря? — спросила Вивиана.

— Океан — колыбель всей органической жизни на земле. Вы видите летающих рыб, но есть и такие рыбы, которые прогуливаются по суше и даже взлезают на корни деревьев. Всё это предки земноводных и птиц.

— Очень интересно, — сказал равнодушно Симпкинс, — но как будто мы собирались на поиски не только черепах и прилипал, а и Острова Погибших Кораблей. Мы же забираемся всё южнее и уже вышли из пояса саргасс. Скоро наступит дождливое время — и так уж часто дождит, — когда же мы займёмся Островом?

столетия в Америке и даже в молодости мог плестись со скоростью только пяти морских миль в час¹, — пояснял Людерс.

Однако всеобщее внимание приковало жуткое зрелище: на корвете «с открытой батареей о двадцати орудиях» вся палуба была покрыта скелетами. Кости, выбеленные солнцем, ослепительно сверкали. На ногах скелетов кое-где ещё сохранились лохмотья — быть может, последние куски истлевших сапог. Зато хорошо сохранилось, хоть проржавело, оружие: пушки, шпаги, кортики...

Островитяне приутихли. Каждый в меру своего воображения представлял, какие картины ужаса сопровождали гибель этих кораблей.

— Надо будет убрать скелеты, — сказал Флорес. — Здесь достаточно судов, годных для жилья. Ну что же, на сегодня довольно? Завтра придём, наведём остальные мостки и осмотрим внутренность кораблей.

Все неохотно стали спускаться. Один из островитян, поскользнувшись, скатился с палубы и упал в воду. Но он, к удивлению всех, не погрузился, а остался лежать на поверхности.

— Тут мелко! — закричал он.

Это заинтересовало всех. Островитяне начали ногами исследовать почву. Оказалось, что под ногами были палубы и обломки затонувших кораблей. При известной осторожности можно было перебраться с одного корабля на другой. Островитяне рассыпались по острову, криками выражая свой восторг.

Вдруг из трюма небольшой, сравнительно новой барки послышался какой-то звериный рёв и вслед за тем испуганный крик индейца, зовущего на помощь. Индеец выскочил из трюма и пустился бежать.

— Там... зверь... страшная обезьяна... горилла...

Все островитяне, как испуганное стадо, собрались в одно место, теснясь и прячась друг за друга. Они не были трусами перед явным врагом. Но там было какое-то неизвестное существо.

— Кто со мной? — крикнул Флорес. Бокко боялся потерять своё высокое звание и камзол — и он двинулся за Флоресом. Вслед за ним пошёл и О'Гара.

Флорес осторожно заглянул внутрь барки. Оттуда послышалось ворчание. Когда глаза привыкли к темноте, Флорес увидел, что в углу сидит существо,

¹ То есть около 9265 метров в час (одна морская миля была равна примерно 1853 метрам).

— Симпкинс и Флорес, — сказал капитан Муррей, — затеяли осаду корабля «Сивилла», где, оказывается, скрывается последнее время Слейтон с китайцем. Слейтон отказался сдаться, и теперь они начали пальбу — слышите?

Со стороны Острова действительно слышались одиночные ружейные выстрелы.

— Мы пока что держим нейтралитет, — улыбаясь, добавил Муррей.

Гатлинг взял полевой бинокль и навёл его на место сражения. У края Острова, возле «Сивиллы», под прикрытием толстых мачт и накренившихся бортов кораблей засели нападающие. Осаждённых не было видно. С той и другой стороны от времени до времени слышались выстрелы.

Вдруг на палубе «Сивиллы» появился китаец. Почти голый, он размахивал каким-то предметом.

Затем он подбежал к стоявшему рядом с «Сивиллой» грузовому пароходу и бросил в него бомбу. Раздался треск разорвавшейся бомбы, и вдруг с парохода начали подниматься огромные чёрные клубы дыма.

— Нефть! Так горит нефть! — воскликнул капитан Муррей, первый понявший опасность.

Горела действительно нефть, находившаяся в цистернах старого парохода. Языки пламени начали лизать борта парохода. Горящая жидкость спускалась всё ниже, растекалась по воде, продолжая гореть. Как будто загорелось само море. А клубы чёрного дыма поднимались всё выше, как над кратером вулкана, заволакивая солнце и покрывая всё густой пеленой.

Перестрелка прекратилась. На Острове поднялась суматоха. Сирена «Вызывающего» тревожно завывала. Огненное кольцо между тем всё расширялось, захватывая близлежащие корабли. Китаец бегал над пламенем вдоль борта парохода, размахивая руками, и что-то безумно кричал.

— Жёлтая река!¹ Великая Жёлтая река!

Вдруг в дыму рядом с китайцем появился Бокко. Он схватил китайца и потащил на другую сторону корабля, к мостику. Корма «Сивиллы» загорелась. Какая-то фигура промелькнула среди дыма, направляясь к носу корабля. Это, очевидно, был Слейтон, но на него никто не обратил внимания. Прозвучал одинокий выстрел. Стрелял Флорес, но, по-видимому, промахнулся. Слейтон продолжал бежать, бросился в воду и поплыл к Новому Острову.

¹ Хуанхэ — река в Китае, одна из крупнейших рек Азии. В переводе с китайского — «Жёлтая река».

